

Лодыженский Вл. Памяти А.П. Чехова. Заметка к годовщине смерти Чехова – 15 июля, 2-го по старому стилю // Слово (Рига). 1927. 15 июля. № 562. С. 2.

Памяти А. П. Чехова.

Замѣтка къ годовщинѣ смерти Чехова — 15 іюля, 2-го по старому стилю.

Три основныя черты характера Чехова встаютъ передо мной всякій разъ, когда память вызываетъ изъ прошлаго его образъ. Это — необычайная независимость мысли, изумительная скромность и огромная любовь къ художественному творчеству, которымъ онъ былъ переполненъ. Эти три черты и составляютъ обликъ Чехова, приближая его къ идеальному типу поэта. Чеховъ творилъ не потому, чтобы искать славы или денегъ, не для того, чтобы выдвинуться, а просто потому, что не могъ не мыслить и не облекать свою мысль и чувство въ художественные образы.

Въ ту пору, когда выступалъ Чеховъ въ нашей литературѣ не легко было сохранить независимость мысли. Царило народничество и либеральное направление: художественная литература пыталась снизойти до оружія политической и социальной борьбы, замалчивался Лѣсковъ и многіе другіе, критика косилась на Достоевскаго... Чеховъ пошелъ своей дорогой, начавъ работу въ мелкихъ юмористическихъ журналахъ. И не онъ заискивалъ передъ вліятельными и толстыми журналами съ тѣмъ, чтобы создать себѣ положеніе, а эти журналы напереывъ зазывали его къ себѣ тогда, когда уже яркимъ свѣтомъ свѣтился его глубо-

кій и свѣжій талантъ. Повѣстями «Мужики» и «Въ оврагѣ» создалъ онъ въ этихъ журналахъ цѣлый поворотъ въ пользу независимой мысли и правдиваго освѣщенія жизни. Какъ дорожилъ Чеховъ свободой художественнаго творчества, какъ онъ ревниво относился къ этой свободѣ, легко представить себѣ всякій, кто внимательно прочитаетъ обнародованные письма Чехова къ Суворину и Плещееву. Въ дружескихъ собесѣдованіяхъ съ современниками это высказывалось еще ярче. Необходимость избавиться отъ тенденціи дѣлалась иногда лейтъ-мотивомъ такихъ собесѣдованій. Поистинѣ художественное творчество теряло тогда привкусъ ремесла, становясь огромнымъ душевнымъ дѣломъ, стоявшимъ превыше всяческихъ партій и временныхъ условій человѣческой жизни, потому что въ немъ чуялась вѣчность. И все это соединялось съ необычайной скромностью, съ сознаніемъ, что то, что онъ дѣлаетъ, для него естественно и обычно, что по другому онъ не могъ бы и жить. Попробуйте расхвалить его повѣсть, и онъ остановитъ васъ съ конфузливой улыбкой, переведетъ разговоръ на другую тему и примется острить по своему адресу.

Откуда происходила такая скромность,

къ сожалѣнію утраченная большинствомъ слѣдующаго литературнаго поколѣнія? Отвѣтомъ на это можетъ быть только любовь къ творчеству, заслонявшая для автора его собственную личность, отдалявшая его отъ суетной жизни и сближавшая его съ вопросами, какъ и творчество, связанными съ вѣчностью. А между тѣмъ — иные нравы входили въ обиходъ литературнаго поколѣнія, замѣняя понятіе славы понятіемъ успѣха во что бы то ни стало. Трудно себѣ теперь и представить, какъ бы отнесся Чеховъ къ такому, на примѣръ, отрывку изъ дневника Брюсова, изданному недавно въ Москвѣ:

«Талантъ, даже гений честно дадутъ только медленный успѣхъ, если дадутъ его. Это мало! Мнѣ мало! Надо выбирать иное... Найти путеводную звѣзду въ туманѣ. И я вижу ее: это декадентство. Да! Что ни говорить, ложно ли оно, смѣшно ли, но оно идетъ впередъ, развивается, и будущее будетъ принадлежать ему, особенно когда оно найдетъ достойнаго вождя. А этимъ вождемъ буду Я! Да, Я!»

Во всякомъ случаѣ Чеховъ былъ не только чуждъ этому откровенному карьеризму въ литературѣ, но и совершенно не могъ бы понять этого «Я» съ прописной буквы, очевидно заслоняющаго отъ автора весь міръ съ его живой жизнью...

Живая жизнь людей безконечно интересовала Чехова, и изъ нея черпалъ онъ полной горстью свои типы и образы. Эти типы и образы заставляли задумываться современниковъ, навѣвали на нихъ

грусть, потому что ярко освѣщались съ высоты человѣческаго идеала автора. Навдвигалась первая революція, которая въ значительной мѣрѣ должна была дѣлаться все тѣми же чеховскими типами, полными себялюбія и безвѣрія, лишенными живого національнаго чувства. А Чеховъ, слишкомъ чуткій къ человѣческой лжи и несправедливости, но чуждый партійности и политиканства, все глубже уходилъ въ художественное творчество. Иныя ноты звучали въ этомъ творчествѣ, призывая людей отъ жизни «низшей» къ тѣмъ вопросамъ, которые въ душѣ автора соприкасались уже съ вѣчностью.

Чеховъ долго и мучительно боролся со смертью. Это несомнѣнно угнетало его и мѣшало развитію огромнаго таланта, согрѣтаго любовью ко всему окружающему. И теперь, когда въ воспоминаніяхъ встаетъ передо мной его образъ какъ человѣка, мнѣ кажется, что онъ многому учить людей. Учитъ прежде всего тому, что жизнь не творится насиліемъ, а любовью и что художественное творчество возможно только съ высоты человѣческаго идеала, не продаваемого за чечезичную похлебку успѣха, которымъ на минуту можетъ наградить суетная уличная толпа. И не только потому сочиненія Чехова будутъ жить долго, что они правдиво отражаютъ жизнь своего времени, но еще и потому, и это самое главное, что они зовутъ людей къ правдѣ, красотѣ и добру.